

Призрак фашизма в посткоммунистической России

После краха коммунистического эксперимента в России там бродит теперь другой призрак новейшей истории – призрак фашизма. Политическая сила, вдохновляемая человеконенавистническими идеями и уже однажды превратившая в руины европейский континент, почуяла новый шанс – на этот раз на Востоке. К идеям в России, как правило, относятся всерьез. Столь типичная для Запада «игра в идеи» России почти неведома.

В посткоммунистической России нет больше господствующей идеологии и неприкосновенных авторитетов, нет и общепризнанных вождей. Многие не в силах вынести этот вакуум. Они тоскуют о новой всеспасающей идее, и на этом строят свои расчеты демагоги самых разных оттенков, вплоть до поклонников Муссолини и Гитлера.

В свое время Муссолини и Гитлер всплыли на волне страха правящих слоев перед «большевистской опасностью». Этот страх едва ли имел под собой основания. Революционная волна в Италии после краха забастовочного движения в сентябре 1920 г. явно шла на убыль, а в Германии начала 30-х годов конфликт между социал-демократами и коммунистами, спровоцированный в первую очередь из Москвы сталинским руководством, парализовал рабочее движение, практически лишив его всякой дееспособности. Несмотря на это, правящие круги Италии и Германии панически боялись «восстания масс», т.е. независимого рабочего движения. Этим страхом воспользовались фашисты и нацисты. 23 июля 1921 г., выступая в итальянском парламенте, Муссолини назвал фашистское движение важнейшим защитником государственных устоев, той силой, которая сумела предотвратить коммунистический переворот в Италии.¹ Десять лет спустя, во время встречи с немецкими промышленниками в Дюссельдорфе, в этом же духе высказывался Гитлер: «Если бы не мы (нацисты. – Л.Л.), средний слой в Германии был бы уже уничтожен. А вопрос о власти большевики давно бы решили в свою пользу».² И хотя аргументы фашистских вождей носили вполне демагогический характер, им в конце концов удалось убедить власть имущих, что спасти расшатанный господствующий строй в обеих странах можно лишь опираясь на правый экстремизм.³

В отличие от своих «классических» предшественников, нынешние российские фашисты, как правило, мало говорят об опасности слева. Больше того, в борьбе против существующего строя они часто оказываются по одну сторону баррикад с коммунистами. «Красно-коричневый союз», лишь спорадически возникавший в

¹ Mussolini B. Opera omnia. Firenze, Roma, 1951. Vol. 17. P. 65-66.

² Domarus M. Hitler, Reden und Proklamationen 1931-1945. München, 1965. Vol. I. Hbd. I. P. 87.

³ См. Luks L. Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie: Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921-1935. Stuttgart, 1985.

веймарской Германии накануне прихода Гитлера к власти, в нынешней России – постоянный феномен. Свое боевое крещение этот союз получил при защите Верховного Совета, распущенного Ельциным 21 сентября 1993 г. Генерала Руцкого нисколько не смущало то, что Белый дом обороняли, между прочим, и боевики руководимой Александром Баркашовым организации «Русское национальное единство», чья программа имеет поразительное сходство с программой гитлеровской партии (Национал-социалистическая рабочая партия Германии). Например, в программе РНЕ содержится требование «искоренения всех проживающих в России евреев и цыган в кратчайшие сроки», тюркские народы и выходцы из Средней Азии должны будут проживать только на своих «исторических территориях», причем предполагается «резкое снижение их рождаемости». В России РНЕ хочет ввести законы, похожие на законы фашистской Германии. Например: «Смешанный брак или связи, наносящие ущерб генофонду Русской нации и ведущие к ее размыванию, будут преследоваться в уголовном порядке».⁴

И после этого генерал Руцкой берет под защиту своих союзников. Он считает обвинение сторонников Баркашова в фашизме «упрощением» и клеветой.⁵ А коммунистический орган «Советская Россия» славит Баркашова, который сам себя гордо называет нацистом, как некоего «спасителя чести» страны.⁶

Эта мешанина «правизны» и «левизны» в сегодняшней России, конечно же, связана с аморфным, расплывчатым партийно-политическим ландшафтом в посткоммунистической России, что, в свою очередь, объясняется аморфностью общества, в котором нет классов в общепринятом смысле этого слова. В годы гражданской войны большевики экспроприировали и физически уничтожили высший слой. Во время коллективизации сельского хозяйства они сломали хребет крестьянству. Общество, таким образом, было пролетаризировано и атомизировано. Неудивительно, что 70-летний процесс разрушения отрицательно сказался на политической культуре страны, что в этой стране то и дело возникают причудливые политические конфигурации, которые вызывают недоумение у западных наблюдателей.

Но есть и другие причины все большего стирания, смазывания различий между правыми и левыми, а современной России. Дело в том, что российские коммунисты, пожалуй, впервые после 1917 г. потеряли веру в непрерывный общественный прогресс. Прежде они проповедовали ее где только можно. Они воображали, что история на их стороне, и эта уверенность как-никак помогала им до поры до времени преодолевать самые опасные кризисы.

Напротив, правые экстремисты всегда воспринимали идею прогресса не иначе как с насмешкой. Они никогда не желали и не желают плыть в потоке истории,

⁴ См. Остросветов В. Русский порядок Александра Баркашова // Моск. Новости. 1994. № 15. С. 7.

⁵ Руцкой А. Надеюсь, что на этот раз мой парашют раскроется // Комс. Правда. 1994. 27 мая. С. 5.

⁶ Турченко С. Встреча с Александром Баркашовым // Сов. Россия. 1994. 5 марта; См. также: Баркашов А. Слава России // Завтра. 1994. № 12. С. 1-2.

наоборот, пытаются любой ценой задержать его и повернуть вспять. Повсюду им мерещатся симптомы упадка и разложения, козни могущественного всемирного заговора. Они считают, что предотвратить «закат Европы» можно лишь насильственным уничтожением носителей этого заговора – евреев, масонов, «плутократов» и марксистов.⁷ Фашистский идеал находится в прошлом. Фашизм апеллирует к так называемому «биологически естественному» человеку. Он хочет возродить «белокурую бестию», человека, не искаженного цивилизацией, не извращенного христианской этикой с ее призывом любить ближнего и сострадать ему. Золотой век фашизма – это языческая, дохристианская эпоха. Пафос же коммунизма устремлен в будущее, где произойдет прыжок «из царства необходимости в царство свободы».

Однако этот исторический оптимизм теперь ушел в прошлое. После развала Советского Союза у коммунистов почти не осталось веры в прогресс и светлое будущее. Внезапное исчезновение второй великой державы, внушавшей страх и уважение всему миру, кажется им непостижимым событием, они отказываются видеть в нем историческую необходимость. За кулисами горбачевской перестройки и вызванных ею процессов они усматривают гигантское предательство. Еще в 1990 г., до окончательного распада СССР, один из проповедников имперской идеи, писатель Александр Проханов, утверждал: «Впервые не только в истории отечества, но и мира мы видим, как государство рушится не в результате внешних ударов, а в результате целенаправленных действий вождей».⁸

Четыре года спустя Проханов пояснил свою мысль: «Советский Союз продала элита, продали лучшие люди. И какую бы Россию ни строили в дальнейшем – будь это монархия, будь это президентская республика, будь это патриотическая диктатура, опять это все будет построено на песке, если страной будут править чиновники, если не будет настоящей элиты».⁹

Эта мечта о новой, здоровой элите не имеет ничего общего с коммунистической идеей пролетарского авангарда. Целью коммунистического «авангарда», по крайней мере в изначальном смысле, было уничтожение элит и введение равноправия. Идея элиты у Проханова и его единомышленников имеет явно другое, правое происхождение. Заметим, что сейчас российская общественность впервые начинает впитывать запрещенное при коммунистах идейное наследие европейских правых. Следует особо подчеркнуть тот факт, что правоориентированные публицисты веймарской республики, такие как Карл Шмитт, Эрнст Юнгер, Меллер ван ден Брук, неожиданно приобрели запоздалую известность в сегодняшней России. Российские поклонники этих авторов преподносят их как последнее слово западной мысли. В действительности там, на Западе, их идеи давно обветшали и обанкротились. Однако уже не первый раз России пытаются навязать ретроградную идеологию, выдавая ее за последнее достижение. Так было

⁷ См. Luks. Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie.

⁸ Проханов А. Идеология выживания // Наш современник. 1990. № 9. С. 3-9.

⁹ Диалог Александра Проханова и Станислава Терехова // Завтра. 1994. № 29. С. 1-2.

в 1917 г., когда большевики начали широко пропагандировать свою наивную веру в науку и прогресс, наивный материализм – все то, что и в Западной Европе, и в интеллектуальных кругах России («Вехи») уже в начале века было преодолено.¹⁰ Ныне, как и в 1917 г., стране угрожает запоздавшая, патологическая европеизация с помощью вытасненных из чулана, безнадежно устаревших идей.

Подобно немецким правым веймарского периода, российские коммунисты не могут примириться с тем, что государство утратило статус сверхдержавы вместе с территориями, где проживают их соотечественники. Как и в Германии 20-х годов, крах империи изображается как результат иноземных интриг – вмешательства западных демократий. В открытой «честной» борьбе западные державы – так утверждали немецкие правые, и их слова повторяет нынешняя русская «непримиримая оппозиция» – оказались не в состоянии одержать верх над своими противниками. Поэтому им пришлось прибегнуть к вероломным средствам психологической войны. Путем пропаганды так называемых западных ценностей они выхолостили советского колосса и довели его до гибели.

При этом, однако, ни словом не упоминают о том, что Советский Союз со своей стороны десятилетиями пытался подорвать западные демократии с помощью коммунистической пропаганды. Эта двойная бухгалтерия опять-таки напоминает аргументы правых в веймарской республике. Они тоже клеймили психологическую войну западных держав, прежде всего их антивоенную пропаганду. И при этом словно забывали, что высшее военное командование райха пользовалось точно таким же методом, когда в 1917 г. разрешило Ленину проезд через Германию, а затем поддерживало антивоенную агитацию большевиков.¹¹

Консервативный немецкий публицист, критик Гитлера, Герман Раушнинг утверждал, что общество времен Веймарской республики находилось в состоянии клинического безумия. Национальное самолюбие было уязвлено версальским договором, и немцы перестали адекватно реагировать на действительность. Словно в истерике общество металось из одной крайности в другую.¹²

Как и немцы в 1918 г., многие россияне чувствуют себя сегодня «побежденными победителями». Вспомним, что в 1918 г. Германия отказывалась называть себя побежденной нацией. Чрезвычайной популярностью пользовался тогда лозунг „Im Felde unbesiegt“ («На поле боя не побеждена»). Намекалось, что победа в последний момент была кем-то украдена. Сходное чувство «украденной победы» распространено сейчас и в России. Поэтому не стоит удивляться, что иммунитет коммунистов к идеям правых экстремистов неуклонно ослабевает. Неудивительно и то, что радикальные антидемократы слева и справа легко находят общий язык. К примеру, лидер Российской коммунистической рабочей партии Виктор Анпилов, в отличие от классиков марксизма-ленинизма, считает величайшим

¹⁰ См. Luks. Entstehung. P. 197-199.

¹¹ Halweg W. Lenins Rückkehr nach Rußland. Leiden, 1957; Zeman Z. Germany and the Revolution in Russia, 1915-1918. L., 1958.

¹² Rauschning H. The Conservative Revolution. N.Y., 1941 P. VIII.

врагом трудящихся не финансовый капитал, а «мировой сионизм». По его словам, «сионизм угнетает весь мир, и особенно он ненавидит Россию и русский народ, стремится погубить их».¹³ Совершенно так же объясняют происхождение мирового зла правые экстремисты. «Сионизм – это враг всего мира», – заявляет лидер движения «Память» Дмитрий Васильев.¹⁴

Руководитель Московского антифашистского центра Евгений Прошечкин говорит о том, что «произошла страшная вещь, произошел перелом в общественном сознании: фашизм – это хорошо. Выглядеть фашистом, нацистом – приятно, убедительно».¹⁵ Итак, табу нарушено.

Член президентского совета Юрий Карякин сообщил недавно о результатах социологического опроса: 30% россиян назвали Гитлера выдающейся личностью. По различным данным, в России выходит сейчас более 150 периодических изданий откровенно фашистского толка.¹⁶

Все это свидетельствует о том, что в посткоммунистической России демократия еще далека от умения защищать себя. Здесь тоже очевидна параллель с Веймарской республикой. И все же маловероятно, чтобы организации, почти в открытую копирующие нацистов, оказались способны прийти к власти. Ведь страна потеряла в войне против третьего рейха 27 млн. жизней. Больше шансов в борьбе за власть, по-видимому, имеют праворадикальные партии нового типа. Такова «либерально-демократическая» партия Владимира Жириновского.

И личность, и политическая карьера этого лидера кажется парадоксом. Ведь для большинства шовинистических и неоимпериалистических группировок в России неотъемлемым и едва ли не основополагающим признаком является истерический антисемитизм. Естественно, что еврейское происхождение Жириновского воспринимается ими как скандальное клеймо. Именно поэтому они ведут против него яростную борьбу. Крайне шовинистическая организация Русский национальный собор именует Жириновского «агентом сионизма». Такого же мнения придерживаются неофашисты Александра Баркашова и коммунистическая партия Виктора Анпилова. Писатель Лимонов, прежний соратник Жириновского, считает недопустимым, чтобы еврей выступал выразителем национальных интересов России: «Нерусский русский националист – извращение. Это уж слишком... Отчего бы человеку, намеревавшемуся сделать карьеру в еврейском движении, не стать главой русского национального движения, а там, глядишь, и президентом России националистической? Но нет, мы не пустим его. Нельзя».¹⁷

Но публика осталась глуха к заклинаниям Лимонова. Партия Жириновского – единственная праворадикальная партия в России, которой удалось осуществить прорыв к широким массам.

¹³ Сироткин В. Национал-большевизм // Моск. Новости. 1994. № 20. С. 11.

¹⁴ Москва – Иерусалим. 1994. № 5. С. 5.

¹⁵ Респектабельность фашизма // Москва – Иерусалим. 1994. № 4.

¹⁶ Фашистам пока спать спокойно // Моск. Новости. 1994. № 23. С. 7.

¹⁷ Лимонов Э. Извращения национализма // Новый взгляд. 1993. № 34. С. 1.

В то время как «патриоты» не могут примириться с происхождением Жириновского, демократы считают смертельной опасностью его политическую демагогию. Они подчеркивают, что новый геополитический передел мира, прокламируемый Жириновским, приведет к очередной опустошительной войне.¹⁸ Эти предостережения тоже остаются без ответа. В стране, всего лишь полвека назад пережившей самую ужасную войну в новейшей истории, около 12 млн. избирателей проголосовали за поджигателя новой войны.

Выходит, что Жириновский – фашист? Национал-социалист? Сам он решительно отвергает подобные обвинения. Когда Егор Гайдар назвал его фашистом, Жириновский подал в суд – и выиграл процесс. Сам он повторяет, что никто не должен подвергаться дискриминации из-за своей национальности и что не существует низших и высших рас. Гитлера вождь ЛДПР подвергает суровой критике за экстремизм: по его словам, Гитлер дискредитировал положительную в своей основе идею национал-социализма своим расизмом, равно, как и стремлением к мировому господству.¹⁹ В то же время Жириновский, никак этого не подчеркивая, повторяет отдельные пункты гитлеровской программы, а также некоторые тактические приемы национал-социалистов. Он, к примеру, подобно Гитлеру, не выступает как ревизионист старого стиля, он хочет не просто восстановить былые границы империи, но держит наготове новую геополитическую программу. Его концепция «последнего броска на Юг» сильно напоминает гитлеровскую программу завоевания жизненного пространства на Востоке, а злобные тирады против тюркских народов перекликаются с презрительными высказываниями Гитлера о славянах.

Структура Либерально-демократической партии России приближается к структуре Национал-социалистской рабочей партии Германии. Жириновский превратил ЛДПР в вождистскую партию классического праворадикального типа. И в программах, и в тактических вопросах решающее слово – за председателем партии. И наконец, пожалуй, самая опасная параллель: после провала Мюнхенского путча а ноябре 1923 г. Гитлер понял, как легче всего победить молодую, еще не окрепшую демократию – не прямым насилием, а с помощью избирательного бюллетеня. Некоторые радикальные антидемократы веймарского периода высмеивали намерение фюрера осуществить «легальную революцию» путем выборов.

Итальянский писатель и публицист Курцио Малапарте – горячий приверженец Муссолини – в 1931 г. назвал Гитлера карикатурой на дуче. Завоевание государства для Гитлера означает лишь завоевание рейхстага, иронизировал Малапарте, полагая, что отказавшись от насилия, вождь национал-социалистов изменил революционному духу своих соратников.²⁰ Малапарте не сумел распознать разру-

¹⁸ Гайдар Е. Ставка на негодяев // Известия. 1994. 17 мая. С. 3.

¹⁹ Жириновский В. Последний бросок на Юг. М., 1993.

²⁰ Malaparte C. Technik des Staatsreiches. Leipzig, 1932.

шительную силу этой тактики. На самом деле Гитлер выбрал наиболее действенное средство, чтобы нанести парламентскому государству смертельный удар.

Сходным образом критикуют Жириновского «за легализм» некоторые представители так называемой «непримиримой оппозиции». Но после полного провала двух попыток, путча – в августе 1991 г. и в октябре 1993 г. Жириновский осознал, что есть куда более действенные методы для того, чтобы пустить под откос действующую систему. Он полностью сосредоточил все силы на предвыборной борьбе, причем выяснилось, что как демагог он намного превосходит своих соперников, включая коммунистов, – еще одна устрашающая параллель с Гитлером.

Только демократия дает фашизму возможность всплыть на поверхность, расцвести. Однако фашизм угрожает лишь неопытной и нестабильной демократии, которой еще не удалось укорениться в собственном сознании. В созданной на руинах гитлеровского рейха Второй германской республике появилось понятие „wehrhafte Demokratie“ («оборонеспособная демократия»). Для такой демократии борьба с экстремизмом является своего рода категорическим императивом.

Посткоммунистическая Россия весьма далека от такой модели. Демократия здесь все еще воспринимается как режим неограниченной свободы и терпимости по отношению к самым непримиримым антидемократам. Еще больше беспокоит тот факт, что демократическая идея, недавно казавшаяся непобедимой, почти полностью утратила свою привлекательность и ее поборники судорожно ищут новое лицо, новую идентичность. При этом они все чаще обращаются к идее сильной государственности, нередко прибегая к лексике своих экстремистских оппонентов. Демократы явно утратили инициативу в политическом споре, и этот факт не менее тревожен, чем развал экономики и поляризация общества. Соседям и партнерам России особенно, после начала войны в Чечне, все труднее отличить высказывания представителей правительства от заявлений «непримиримой оппозиции». Нелишне вспомнить еще раз опыт Веймарской республики. Не только нацисты твердили тогда, что Германия ущемлена, что версальский «диктат» отдаст ее в рабство державам-победительницам. Подобными выражениями уснащали свои заявления почти все политические группировки страны.²¹ Пронацистские идеи витали в воздухе совершенно так же, как сейчас идеи Жириновского в России. Гитлер сумел найти могучих союзников в правящей элите. Ведь правым экстремистам еще никогда не удавалось прийти к власти собственными силами. Им всегда нужны влиятельные союзники из правительственных кругов. Именно поэтому Владимир Жириновский без устали предлагает себя в союзники российскому президенту.

Расширенная версия статьи опубл. 19. 11. 1994 в газете *Франкфуртер Альгемайне Цайтунг*

²¹ Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. München, 1968; Breuer S. Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt, 1993.